

Эти данные подтверждает и атаман Г. М. Семёнов, который пишет о том, что интенданты за взятки продавали вагоны с утаенным имуществом не только спекулянтам, но даже партизанам. Большую часть награбленных вещей они увозили в Харбин, где на базаре в здании цирка вместе с военным имуществом продавались самовары, швейные машинки, драгоценная посуда, иконы, а также практиковался сбыт фальшивых купюр¹. О спекулятивной торговле среди колчаковских войск сохранились воспоминания и других участников гражданской войны.

Итак, материальная помощь иностранных держав армии А. В. Колчака была кратковременной и недостаточной. Поэтому адмиралу приходилось опираться на ресурсы самой Сибири. Однако разорённая войнами региональная экономика не могла обеспечить огромные массы воюющих армий. В таких условиях в частях процветало казнокрадство, спекуляция, грабежи мирного населения.

А. В. Ганин

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ НАЗНАЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛА А. И. АНДОГСКОГО

Приход к власти на Востоке России Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака сопровождался важными кадровыми перестановками в высшем военном руководстве антибольшевистских сил Востока России. Уже в этих первых решениях Колчака в полной мере проявились самые негативные стороны белого военного строительства эпохи Гражданской войны.

Одним из наиболее вероятных претендентов на высшие военные посты в Белой Сибири в тот период был начальник академии Генерального штаба генерал-майор Александр Иванович Андогский. Однако история с назначением дорого обошлась генералу. Вместо получения высокой должности он, наоборот, оказался под следствием. Как же это могло случиться?

19 ноября 1918 г., на следующий день после омского переворота и своего прихода к власти, Колчак вызвал к себе генерала Андогского и предложил ему занять пост начальника штаба своей Ставки. Этот выбор, вероятно, был бы более удачным, чем последовавшее вскоре назначение на эту должность печально известного Генштаба полковника Д. А. Лебедева, которого не без оснований обвиняют в некомпетентности на занимаемом посту.

Андогский был критически настроен по отношению к Ставке прежнего главнокома генерала В. Г. Болдырева. Он, в частности, заявлял в октябре 1918 г.: «Неустойчивость во взглядах, случайность работ, – вот характер деловой части Ставки. Черты эти проглядывают во всем». По всей видимости, у генерала была собственное видение необходимых военных

¹ Семёнов Г. М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. Б. М., 1938. С. 140.

преобразований, которое он мог начать претворять в жизнь в случае назначения.

Однако Колчак как новичок на военно-политическом Олимпе Востока России не взял на себя ответственность за единоличное и непопулярное решение, связанное с назначением на столь важную должность офицера, длительное время сотрудничавшего с большевиками. Именно таким человеком и был начальник академии Генерального штаба Андогский. Он занял свой пост еще летом 1917 г., но продолжал оставаться на прежнем месте в Петрограде, а позднее и в Екатеринбурге при Советской власти. Хотя доказательств того, что Андогский был активным сотрудником большевиков, а не руководствовался благой целью сохранить академию от развала и уничтожения, у его недоброжелателей не было, тем не менее, самым фактом своей службы у красных генерал был безнадежно скомпрометирован в глазах командного состава антибольшевистских сил.

При выборе кандидатуры начальника штаба весьма неблагоприятную роль сыграл Генштаба полковник Д. А. Лебедев, «темный период» биографии которого (причем, как в прямом, так и в переносном смысле), вопреки мнению некоторых исследователей, отнюдь не закончился с приходом к власти Колчака. Сам Колчак, власть которого еще не успела укрепиться, и многие другие представители белого командования боялись конфликта с рядовой массой и фронтовыми командирами, неприятия с их стороны нового назначения. Эти опасения свидетельствуют о невысокой дисциплине войск, в которых были возможны подобные эксцессы, типичные для эпохи 1917 г. Для сравнения, в РККА эти пережитки революционной поры были ликвидированы достаточно быстро. Поэтому Колчак был вынужден пойти на беспрецедентный шаг. Вместо единоличного решения он организовал опрос представителей командного состава по поводу возможного назначения Андогского. По сути, в результате этого опроса пост достался Д. А. Лебедеву.

До сих пор обстоятельства назначения Д. А. Лебедева вместо А. И. Андогского не были документально выяснены. Однако нам удалось обнаружить важные документы, проливающие свет на то, как было принято это решение. На заседании конференции академии Генерального штаба 15 января 1919 г. А. И. Андогский подробно рассказал об этом прискорбном эпизоде военного строительства антибольшевистских сил на Востоке России. В журнале заседаний этот фрагмент его доклада был записан следующим образом: «На второй день после избрания адмирал Колчак, вызвав к себе Н[ачальни]ка Академии предложил ему пост Начальника Штаба Верхов[ного] Гл[авнокомандую]щего. Н[ачальни]к академии высказал, что венец его желаний и стремлений – пост, который он ныне занимает, но что он в распоряжении Верх[овного] Правит[еля]. Тогда Адм[ирал] Колчак сказал, «т. к. я моряк, то фактически Вы будете руководителем операций и т. к. моя власть еще не окрепла и поддержка моя – высшие начальники, то я запрошу фронт об отношениях к академии и

Вам; пока же для упрочения связи с ген[ералом] Деникиным вр[еменным] Н[ачальни]ком Штаба Верховного назначу Полков[ника] Лебедева».

Из разговора Н[ачальни]ка Академии с Полк[овником] Лебедевым выяснилось, что пол[ковник] Лебедев предполагает быть не более одной недели.

Однако проходит неделя. Полк[овник] Лебедев не только не отказывается от занятой должности, но постепенно забирает власть в свои руки и старается войти в доверие к Верх[овному] Прав[ителю]. Попутно втягивает и ген[ерала] Дутова в число противников академии и ген[ерала] Андогского.

К этому времени собрались ответы на запросы: из 66 (на самом деле – 26 – А. Г.) запросов неблагоприятных оказалось около 10; в числе лиц приславших их были ген[ера]лы Матковский, Ханжин (к[оманди]р 3 уральс[кого] к[орпуса]); генералы же Романовский, Люпов, Полк[овник] Щепихин – были из числа сторонников академии и ген[ерала] Андогского. Суммируя полученные данные по запросам, Адмир[ал] Колчак передал н[ачальни]ку Академии, что н[ачальни]ки младшие и средние – высказались в благоприятном для г[осподи]на Андогского смысле, но т. к. часть старших н[ачальни]ков в против назначения, и пока еще власть Вер[ховного] Правителя не окрепла и необходимо поддержать ее, то с предоставлением Н[ачальни]ку академии должности наштаверха нужно подождать и предложил обдумать вопрос о формировании Гл[авного] Управ[ления] Ген[ерального] Штаба и не уезжать из Омска, не повидавшись со вновь назначенным воен. министром ген. Степановым...».

Логика решения А. В. Колчака представляется весьма порочной: для укрепления своего положения он назначает безграмотного начальника штаба, тогда как назначение более компетентного А. И. Андогского, якобы может ослабить власть А. В. Колчака.

Опрос мнений начальников по поводу А. И. Андогского дает отличный срез взглядов высшего состава белого Восточного фронта, позволяющий судить об уровне мышления основных его представителей. До сих пор конкретное содержание этих отзывов оставалось исследователям неизвестным, однако нам удалось обнаружить полную их подборку, что позволяет детально проанализировать эти интересные материалы, дающие определенное представление также и о личности самого А. И. Андогского.

Удивительно, что эти материалы, помеченные грифом «Совершенно секретно» и направлявшиеся лично Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку, оказались позднее среди личных бумаг самого А. И. Андогского. По всей видимости, генерал или кто-то из его сотрудников, собрал эти отзывы уже много времени спустя после опроса. Возможно, эти свидетельства попали к А. И. Андогскому летом – осенью 1919 г. в то время, когда он все-таки вошел в состав высшего военного руководства антибольшевистских сил Востока России.

Опрос проходил в ноябре – декабре 1918 г., в т. ч. и после формального назначения Д. А. Лебедева на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. Всего было получено 26 отзывов, из которых десять оказались против А. И. Андогского (генералы А. И. Дутов, Н. Т. Сукин, М. В. Ханжин, Ф. П. Панов, М. К. Дитерихс и другие), четыре человека воздержались (генералы Р. Гайда, И. И. Козлов, Н. А. Степанов, полковник А. С. Бакич) и двенадцать отзывов было в поддержку А. И. Андогского (генералы В. О. Каппель, С. Н. Войцеховский, В. В. Голицын, А. М. Ионов, полковники С. А. Щепихин, Б. П. Богословский и другие). Встречаются упоминания о том, что некие ответы поступили также от Генштаба генерал-лейтенанта С. Н. Люпова (в поддержку Андогского), генерал-майора А. В. Эллерц-Усова и Генштаба генерал-майора А. Ф. Матковского (оба – против А. И. Андогского), но обнаружить их не удалось, к тому же они выходят за пределы известных по документам 26 отзывов. Таким образом, большинство респондентов высказалось за назначение А. И. Андогского, правда, перевес его сторонников был очень незначителен.

Участники опроса, как правило, просто высказывали свое мнение об А. И. Андогском. Однако дальше других пошел оренбургский атаман А. И. Дутов, который не только раскритиковал А. И. Андогского, но также отметил, что «среди офицеров Генштаба Армии мне известен Полковник Лебедев, ныне у Вас находящийся (Дмитрий Антонович). Своими умственными качествами этот полковник вполне достоин выдвижения на ответственный пост». К сожалению, неизвестна дата этого сообщения, но, судя по тексту, оно предшествовало назначению Д. А. Лебедева. Между тем, А. И. Дутов на тот момент являлся одним из наиболее крупных и авторитетных военно-политических деятелей Востока России.

А. И. Дутов в числе первых выразил свою полную поддержку А. В. Колчаку, и на влияние атамана А. В. Колчак вполне мог опираться. Разумеется, мнение А. И. Дутова в той ситуации имело значительный вес и даже могло оказаться решающим. Если именно это мнение стало определяющим в принятии А. В. Колчаком итогового решения, тогда можно с уверенностью утверждать, что атаман А. И. Дутов, деятельность которого на благо антибольшевистского лагеря в годы Гражданской войны и без этого вызывает массу нареканий, оказал белым еще одну «медвежью» услугу. Впрочем, по мнению А. И. Андогского, именно Д. А. Лебедев подговаривал А. И. Дутова высказаться в свою пользу и против него самого.

Примерно в это же время стали распространяться слухи о стремлении представителей академии занять высокие должности в Белой Сибири, чтобы действовать красным. Сохранилась оценка подобных слухов самим А. И. Андогским, датированная 30 ноября 1918 г.: «Томские слухи являются лишь частью большой травли, которая организована всюду определенной группой лиц, дабы дискредитировать Академию».

Свидетельство генерала С. А. Щепихина, в то время еще полковника, начальника штаба Самарской группы войск, рисует еще более удручающую

картину взаимоотношений в высших кругах белого Востока. По мнению С. А. Щепихина, именно Д. А. Лебедев поднял перед А. В. Колчаком вопрос о службе А. И. Андогского у большевиков. В результате возникла идея опроса. Кроме того, С. А. Щепихин прямо писал, что Д. А. Лебедеву пост начальника штаба Ставки достался в непростой подковерной борьбе со своими соперниками, каких, с учетом сравнительной молодости Д. А. Лебедева, было немало. А. И. Андогский, по свидетельству С. А. Щепихина, тоже не был чужд интриг, для чего использовал воспитанников академии, которые были распределены практически по всем крупным штабам.

В частности, осенью 1918 г. слушатели академии оказались вовлечены в конфликт между А. И. Андогским и начальником штаба Сибирской армии Генштаба генерал-майором П. А. Беловым (Виттекопфом), которого они в октябре 1918 г. обвиняли в шпионаже в пользу Германии и в сотрудничестве с большевиками.

С. А. Щепихин отмечал: «Лебедев, чтобы исключить кандидатуру Андогского, выдвинул вопрос о службе последнего у большевиков: адмирал прислушался, и его убедили произвести анкету среди старших офицеров генерального штаба по вопросу допустимости назначения Андогского, и Лебедев искусно отвел конкурента. Андогский вряд ли мог питать теплые чувства к Ставке, возглавляемой Лебедевым и заодно к Адмиралу».

Теперь он находился в Ставке, вызванный Адмиралом на предмет назначения. Я знаю Андогского давно и не верю, чтобы он не запрятал глубоко за пазухой камня против Лебедева. Не такой он человек. Лебедев совсем не умен. Это справедливо не только в сфере его специальности (он показал себя, имея все карты на руках, вождем ниже среднего), но и в области политики и администрации.

Его сочувствием всегда пользовалась столь бездарная личность, как он являлся на посту иностранной политики американизированный тип Сукина, о голову которого в пылу припадков раздражения разбивал не один человек Адмирал Колчак.

Лебедев был просто нелогичен, набрав себе в Ставку полный комплект бывших профессоров Академии, а против Андогского вел сложную, умную интригу. Андогский этим воспользовался и опутал Лебедева сложной сетью своего шпионажа; его агенты (это профессора, в большинстве состоявшие своему начальнику Академии) и летучие разведывательные ячейки (бывшие слушатели академии) проникли не только в Ставку, но и на фронт. Положение военное и политическое Андогскому было известно не менее, нежели Лебедеву; только употребление из этого он сделал совершенно иное, односторонне в свою пользу».

Таким образом, если верить С. А. Щепихину, подлинным виновником опроса относительно личности А. И. Андогского был его противник

¹ Речь идет о министре иностранных дел колчаковского правительства И. И. Сукине — А. Г.

конкурент Д. А. Лебедев, явно заинтересованный в провале соперника. При этом аналогичного опроса по более чем сомнительной кандидатуре самого Д. А. Лебедева устроено не было. Известный нам документальный материал дает основания предполагать, что Д. А. Лебедев занимался формированием выгодного для себя общественного мнения среди опрашиваемых. Предложение в качестве альтернативы А. И. Андогскому кандидатуры мало кому тогда известного Д. А. Лебедева, сделанное атаманом А. И. Дутовым, кажется в этой связи не случайным.

В то же время за А. И. Андогским, по нескольким свидетельствам, стоял известный своими интригами министр финансов омского правительства 28-летний И. А. Михайлов или «Ванька-каин», как его прозвали недоброжелатели за причастность к ряду политических убийств. Как отмечал достаточно осведомленный свидетель тех событий, будущий министр иностранных дел колчаковского правительства И. И. Сукин, «Михайлов сам погрузился в атмосферу военных интриг и незаметно для себя попал в круг тех личных, карьерных и тщеславных стремлений, которыми была окрашена почти вся среда генерального штаба в Омске». Действительно в документах конференции академии есть прямые указания на то, что Михайлова академическое начальство считало своим другом и обращалось к нему за содействием осенью 1918 г.

По мнению И. И. Сукина, А. В. Колчак с самого начала прекрасно понимал, что А. И. Андогский был гораздо более компетентным штабистом, чем Д. А. Лебедев. При этом, на наш взгляд, оппоненты А. И. Андогского были представлены, в основном, людьми достаточно ограниченными. Не исключено, что кто-то, выдвигая обвинения в адрес А. И. Андогского, занимался сведением личных счетов. Некоторые же не знали генерала, но были против нахождения на одном из руководящих постов офицера, ранее служившего у красных. В поддержку генерала, наоборот, высказались более передовые по своим взглядам и подходам офицеры, прекрасно понимавшие сущность Гражданской войны, а также практически единогласно подслуживцы и подчиненные А. И. Андогского по академии.

Поражение этой группы офицеров, несмотря на то, что она имела небольшой численный перевес, было закономерным, поскольку развитие белого Восточного фронта, во многом, определяли люди совсем иного склада, что отчасти и привело к финальному разгрому колчаковских армий.

Логичным итогом опроса высшего комсостава стало расследование деятельности А. И. Андогского, которое некоторые участники опроса рекомендовали провести для всестороннего выяснения обстоятельств службы генерала у красных. Сам А. И. Андогский 26 января 1919 г. был отозван с должности начальника академии и фактически отправлен в ссылку в Иркутск — в резерв чинов при штабе Иркутского военного округа.

Стоит также отметить, что вскоре после своего назначения на пост начальника штаба Ставки Колчака Д. А. Лебедев начал изгонять из Ставки

кадры А. И. Андогского В частности, в декабре 1918 г. в академию вернулись штатные преподаватели академии: вр.и.д. помощника начальника штаба Ставки полковник А. П. Слижиков и вр.и.д. 1-го генерал-квартирмейстера Ставки полковник А. Д. Сыромятников¹.

История с назначением начальника штаба Верховного главнокомандующего в ноябре – декабре 1918 г. отчетливо показала ряд серьезнейших пороков военной машины антибольшевистского лагеря на Востоке России. Прежде всего, неспособность или нежелание адмирала Колчака принимать в этот период некоторые ответственные решения единолично, без отягдки на мнение старших офицеров, а также сильную подверженность Верховного правителя и Верховного главнокомандующего внешнему влиянию, в том числе во вред делу. Еще одним явным пороком было сильно развитое интриганство и наличие враждующих группировок в военной элите Белой Сибири, причем, как выясняется, военные группировки тесно взаимодействовали с политическими. В истории с опросом старших начальников отчетливо проглядывала неуверенность офицеров в благонадежности своих войск, а также узость мировоззрения значительной части военной элиты, для которой важнее была формальная «чистота риз» в виде непричастности к большевизму кандидата на высокий пост, чем его профессиональные качества.

Лишь 18 июня 1919 г., когда белые армии Востока России уже находились в отступлении, А. И. Андогский был частично реабилитирован и назначен на ответственный пост первого генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем. Задним числом А. В. Колчак издал приказ считать А. И. Андогского не отчисленным от должности начальника академии с назначением в резерв чинов, а лишь командированным в распоряжение командующего войсками Иркутского военного округа. Таким способом генерал был восстановлен в должности начальника академии.

12 августа 1919 г. А. И. Андогский стал и.д. первого помощника начальника штаба Ставки А. В. Колчака. Однако только 20 октября 1919 г. приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 206 расследование по делу А. И. Андогского было окончательно прекращено за отсутствием данных о виновности его и подведомственных ему чинов академии Генерального штаба в принадлежности к большевистским организациям. Более того, А. В. Колчак распорядился запретить обсуждение обстоятельств этого дела в периодической печати. Впрочем, в эти дни участь колчаковского фронта уже была предрешена.

¹ Впрочем, изгнание Сыромятникова произошло после того, как он в присутствии Колчака заявил Лебедеву, что двум Богам – Деникину и Колчаку – одновременно служить нельзя – А. Г.